

ТВАРЬ

повесть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АННА ЛУКИЯНОВА

Анна Лукиянова

Тварь

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Лукиянова А. К.

Тварь / А. К. Лукиянова — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Варя, девушка из провинции, рожденная в такой до жути нашей России среди "панелек" и "сталинок", пытается отвоевать билет в лучшую жизнь. Но вместо этого оказывается замурована в прошлом своей несложившейся юности. Кажется, мрак и безысходность уже достигли возможного своего предела, но главное потрясение впереди: Варя еще только предстоит узнать, кто на самом деле лишил ее воздуха много лет назад. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Варя	6
Ирма, детство	8
Варя, детство	10
Варя	12
Глеб	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анна Лукиянова

Тварь

Пролог

Варя ступает по снегу, растоптанному чужими спешащими ногами. Ей самой сегодня спешить некуда. Ее тело – полое, голова – бездумная, и только сердце не может так, выталкивает из себя пустоту, просит чувствовать, даже если больно. К горлу внезапно подступает. Варю выворачивает прямо на грустнеющего у обочины снеговика коричневым растворимым кофе из «Ашана». Она смотрит с минуту на пятно, поедающее снеговика кривую улыбку из веток. Это наконец вышло из нее все прошлое, столько лет отравлявшее существование. Прошлое, которое она тащила за собой, как дети тащат игрушечные грузовики на веревочке. Тащила, а сегодня бросила.

В кармане настойчиво пищит сообщениями телефон. Ирма. Хочет знать, где Варя. Куда она вчера пропала. Варя всматривается в фотографию сестры на входящем звонке. Ее любимая Ирма. Ее единственная Ирма. Ее чудовищная Ирма. Варя втыкает телефон в снег и бредет дальше. Из трубки за спиной пробивается: «Алло! Яшка?! Тебя не слышно! Яша?! Ты где? Какой-то шум. Яша?!» Снеговик не отвечает.

Варя

Январь, 2019 год

Ночь прилегает к городу, как капрон: плотно, основательно, на совесть. Втирается жирным гуталином в фасады домов, в асфальт. В январе темнеет рано и всегда как-то обреченно. Крыши пропадают в перевернутом колодце неба, таком низком-низком, что непроизвольно хочется пригнуться. Варя втягивает голову в намотанный как попало шарф, воздух похож на жидкий азот – прижигает розовый ободок ушей, скребется когтями по затылку. Ресторан «Тако» напротив Вариного дома, но пока пройдешь двор на ощупь, пока проскочишь дорогу, успеваешь надыхаться зимой. Заходишь в помещение, а внутри начинает плавиться битое стекло: одновременно судорожно и приятно.

В «Тако» Варю знают, встречают миграционными улыбками. Единственное место во всей округе, открытое до шести утра. Рестораном, разумеется, тут и не пахнет, а пахнет липкой разведенной выпивкой, бурлящей фритюрницей и пульсирующим сгустком мужского пота в центре зала. Первый раз в горле скрутило, чуть не блеванула. Со временем привыкла: все лучше, чем бросаться диким зверьком на страшные тени в квартире.

В этот раз получилось совсем из ряда вон. До трех ночи просидела у Ирмы на Рубинштейна в компании творческой петербургской интеллигенции без конкретного рода деятельности. Приехала домой подвыпившая, разморенная, думала – тут же уснет. Ничего подобного. Лежала, смотрела на уверенный контур облысевшего тополя на потолке. Зимой все деревья на химиотерапии. Живут только елки, остальное –дохнет. Чем дольше смотрела, тем меньше чувствовала собственное тело. Все от шеи и ниже – пластмассовые детальки.

А голова варит. Раскаляется и закипает на безжалостном огне памяти. Сколько раз за последние семь лет ей прилетали эти огнестрельные флешбеки? Входили в нее не как гости, а как полноправные жильцы. Потеснитесь, Варвара Сергеевна, вы тут не одна, нам тоже хочется растянуться по-человечески, разлечься. И Варя уступала им квартиру, а сама неслась в паршивое бистро через дорогу, поближе к свету и к людям. Садилась всегда за самый утопленный в глубину столик, чтобы ее не вынесло из укрытия случайным сквозняком.

Обходительный и теплокожий Наиль приносит ей «Лонг-Айленд», через десять минут – второй. На блюде дольки лимона истошно горят желтым, как лампочка в угольной шахте. Варя белизной своего лица, волос и шерстяного пальто никак не вяжется с грязным табачным полумраком этого места. Выглядит бельмом, вспышкой. Местный контингент облизывается на нее, но Наиль следит, чтобы не трогали.

Варя берет в руки телефон, на экране остаются отпечатки пальцев в лимонном соке. Набирает в поисковике: «Глеб Руднев фотограф инстаграм». Кликает по первой же ссылке, сразу, чтобы не передумать, не слететь, как обычно, с крючка. Сама себя толкает в спину. Не щадит. Завтра обязательно пожалеет об этом. Завтра – не сегодня.

На экране появляются последние девять изображений. Девять обнаженных девушек. Смотрят на Варю и уже что-то рассказывают о себе. Экран – немой, снимки – немые, а им все равно, говорят прямо сквозь неодушевленное стекло телефона своими глазами, бровями, челками, коленями, а громче всего – сосками. С голой женщиной всегда так: сперва увидишь грудь, даже если избегал. Это такой маяк, который невозможно обойти стороной. Пока к его свету не привыкнешь, остального не различишь. И хорошо, что не различишь, потому что дальше вылезают откровения, после которых торчащие соски – детская погремушка, а не эротика. Эротика – это когда вдруг с сисек фокус смещается на предплечье, а там мечено – белый

такой шрамик от прививки против оспы, и ты непроизвольно думаешь, а сильно она тогда у врача плакала, эта девочка? Понимаешь, перед тобой баба голая, а ты в ней вместо причинных мест человека видишь, с характером там, с чувствами. Вот так Глеб фотографирует.

Варя знает, если пролистать ленту назад на семь лет, там будут и ее снимки. Одни из первых. Еще не такие выверенные, но хватающие самую женскую суть за острый локоть. Там она, Варя, будет лежать на раскладном диване в его, Глеба, съемной квартире на Думской. На переднем плане обычный обогреватель, на обогревателе – ее тряпичный лифчик, самый простой, других она еще не видела. На заднем фоне платье, плечики зацепятся за шпингалет открытой форточки. Дневной свет прореживает легкую ткань, пробирается лучами сквозь мелкую решетку нитей, создает свечение. Сама Варя лежит голая на диване, дрогнет не то от холодных стен, не то от стыда. Впервые разделась перед мужчиной.

– Фотограф – существо бесполое. Вот ты на него смотришь провинциально как на член в штанах. А надо смотреть как на художника, понимаешь? – рассуждала накануне Ирма, выпускающая кольцами белый дымок тонких сигарет. Варя тогда завидовала этим кольцам и Ирме тоже завидовала. Догадывалась ли Ирма, чем закончится эта съемка?

Но это прошлое, а в настоящем Варю беспокоят только девушки на фото. Она зараз видит их по шестнадцать штук – столько вмещает экран телефона. Остановиться листать уже не может, но прицельно вглядываться – боится. Страшно вдруг их всех разом расшифровать. За семь лет-то сколько их на счетчике набежало? Сколько он таких, как она, усадил в тюремную камеру инстаграмного окошка? Сколько из них, как ее, приговорил к вечному откату в какой-то один проклятый день? “Скажи уже как есть, прямо, без закрутов,” – раздраженно встречает внутренний голос. И Варя подчиняется, выплевывает скользкие слова не на экран телефона, а прямо Глебу в лицо: “Скольких, тварь, ты из них изнасиловал?”

Варя надеется, что нескольких. А другая Варя, та, которая впиалась иголкой в самое нутро и ежесекундно покалывает – просится наружу, хочет одного – оказаться не единственной.

Ирма, детство

К Ирме жизнь липнет, как сахарная вата к рукам. Все у нее как-то само складывается, без усилий. Даже не жизнь это, а сплошной парк развлечений с бессрочным абонементом. Она в этот абонемент кого хочет вписывает, кого приспишит – вычеркивает. Ирма в друзья себе надолго не принимает. «Понимаешь, люди они такие (морщится), хлебом не корми – дай прокатиться за чужой счет. Рубрика: не наебешь, не проживешь. И все бы ничего, но я же тоже не на помойке себя нашла, чтобы таскать их на своем горбу. Есть ноги, вот и гуляй ими в светлое будущее. Меня эти прихлебатели утомляют, как солнце в пустыне. Песка больше, чем загара. Одним словом, мне с ними – скучно, им со мной – невыгодно.» Перед Варей Ирма тоже не откровенничает, но и от себя не отрезает, как остальных. «Ты, Яша, другое. Мы с тобой в один ночной горшок ходили. Похуй, что двоюродные, родство же не названиями меряется. Родного человека по запаху чувствуешь. Это на уровне животных инстинктов. Условности тут ни при чем.»

И правда, детство у них было в складчину. Наваристое, хорошее такое детство. Свою мать Ирма знала только по фотографиям, та пропала без вести вскоре после родов и превратилась в немой вопрос, который девочка цепляла на взрослых, как гири. Маленькая Ирма каждого второго изматывала одним и тем же: «Где мама?» Отец Ирмы приходил в отчаяние от своей неспособности изобразить девочке эту самую «маму» и на долгие месяцы отправлял дочку из столичного Петербурга на родину – в угрюмый промышленный Норильск, к старшей сестре. Там Ирму ждал теплый прием тети Наташи и дяди Сережи с грудной Варей на руках. Панельная двушка каких-то смешных размеров едва вмещала молодую семью с двумя ползучими-бегающими малышами, но это был тот первый еще, ароматный период жизни, когда все лишения были в радость.

Ирма обожала Варю, Варя отвечала взаимностью. Годы летели без пробуксовок. Ирма пошла в первый класс, все там же, с поддержки тети Наташи. Варя – на три года младше – осваивала сад. Девочки росли, и вместе с ними росла их привязанность друг к другу. Ирмин отец – Дмитрий Павлович – давал о себе знать раз в полгода. Прилетал из комфортабельного Петербурга в отчаянно отставший от цивилизации Норильск. Привозил подарки, водил девочек в кино, кормил мороженым в стеклянных вазочках и уезжал обратно. Его засасывали какие-то политические перспективы, маячило доходное депутатское место. Дмитрий Павлович очень был занят своим уплотнением и расширением в нужных кругах, на полноценное отцовство его не хватало. Нужно было отвоевать сначала себе кусок пожирнее, а уж дальше все остальное.

Ирма по отцу не то чтобы скучала. Слишком ей было сладко в этом тесном доме, где по выходным почти настоящие родители пекли пирожки и смотрели голубой телевизор, пока они с Варей прятались под столом, играя во что-то свое. Но самый балдеж начинался летом, когда школа отпускала на каникулы, а Варю специально спрашивали из сада и сестры могли торчать во дворе с утра до самого вечера. Лето в Норильске ценили особенно жадно. Зима тут бушевала девять месяцев подряд, и только к июню сходили сугробы и начиналось солнце. По выходным – кому папа, кому дядя – Сережа возил девочек на озеро Долгое, и они купались до синих губ в этой теплой и бирюзовой из-за примеси тяжелых металлов с местной ТЭЦ воде. На горизонте синели горы и чадили трубы «Норкникеля», где работал скопом весь город, в том числе и Варини родители. И весь этот угрюмый и вонючий, застроенный «сталинками» и «панельками» город казался сестрам землей обетованной. Им всегда было мало и времени, и друг друга. Все детство они куда-то бежали, взявшись за руки.

А потом случилось неизбежное. Дмитрий Павлович прилетел не к Ирме, а за Ирмой. Дела в Петербурге окончательно устроились. Ирму ждала престижная гимназия с английским уклоном вместо четвертого класса в общеобразовательной норильской школе и двухэтажная

квартира вместо несчастных десяти квадратов детской в хрущевке. Дмитрий Павлович был решительно настроен возместить свое многолетнее отсутствие. Наташа плакала, но брата поддержала. Решение было разумным. Девочек разнимали силой под оглушительный вой. Но детские истерики Дмитрия Павловича не трогали. Он прекрасно знал, что новая нарядная жизнь быстро вытеснит собою все это недоразумение. Дети страстные, но отходчивые существа. Ирма попробует на вкус питерского лоска и пристрастится. Совсем как он сам. Девочка была его породы, его характера. Высший сорт.

Дмитрий Павлович и правда не прогадал. Ирма скоро вошла во вкус большого города и Норильск с тех пор не вспоминала.

Варя, детство

Варя отъезд сестры переживала глубже и острее. Ей, в отличие от Ирмы, нечем было заново очароваться. За окном дышал туберкулезными трубами все тот же кислый город. И детская была все та же, только теперь двухъярусная кровать принадлежала ей одной. Но жизнь ехала дальше по негласному расписанию, оставляя Ирму далеко позади. До своего совершеннолетия Варя о старшей сестре знала отрывками. До техногенного Норильска вьюга доносила неразборчивые новости, все в шипящих помехах. Мать заглядывала к Варе в комнату: «Делаешь уроки? Ну делай-делай, не мешаю», а потом закрывалась с отцом на кухне. За узорчатым стеклом межкомнатной двери родители превращались в мазки на предметных стеклышках – готовый соскоб на анализы. Варя слушала, затаив дыхание.

– Димка звонил, – осторожно начинала мать. Знала – муж не переваривает ее брата-политикана, отжавшего себе медовое местечко в злом улье пчел-ворюг. – Ирма опять фокус выкинула: бросила университет и ни в какую. А там оплачено за год вперед. Димка ее по-всякому уговаривал. Не дело это. Но там такой характер – палец в рот не клади.

– Яблоко от яблони, – с явным удовольствием отзывался отец.

– Опять ты за свое! Никакого сострадания.

– И не будет, еще чего! Ты в своем уме? Кому там, Наташа, сострадать?

– Про свою родню ты такого не скажешь! – язвила мать. – А про Димку с Ирмой сказать гадость, язык не отсохнет.

Еще годом позже Варя жадно ловила новые вести с полей.

– Ирма-то знаешь что? Сбежала! Третий день найти не могут! Димка волосы на голове рвет. Может порчу какую наложили? Я вот слышала, у соседки невестка такое умеет...

И через год снова.

– Еле откачали, думали, приступ какой-то. Да какой там приступ. Димка говорит, наркотики. Говорит, уже заказал клинику в Швейцарии. Весь седой, сам на валерьянке. Это все из-за Ирминой матери, уж я-то понимаю в таких вещах. Взяла себе и пропала, когда Ирма еще ходить толком не научилась. Вот и пожалуйста. У ребенка травма, как там ее? Психологическая! Тут тебе и наркотики, и все что угодно прилипнет.

Варя смирилась, что напрямую про двоюродную сестру ей не рассказывают. «Нечего там знать», – фыркнул как-то отец и поставил точку, будто боялся, что Варя через эти разговоры может заразиться каким-то особым Ирмо-вирусом и пуститься во все тяжкие. Портрет двоюродной сестры пришлось сшивать самой из ошметков кухонных разговоров, и получался он пиксельно-размытым, испещренным пустотами из недомолвок. Но эти же недомолвки – черные пятна от потушенных отцовских бычков – окружали в итоге образ сестры невыносимо соблазнительной таинственностью. Почему исчезла ее мать? Как сложились ее отношения с отцом – маминым братом? Что это значит, жить и ни в чем себе не отказывать? Как ведут себя девочки, выросшие в большом городе? Каково это, красить губы помадой, водить машину без прав, бросать учебу, когда вздумается, лежать под капельницей на грани жизни и смерти? Все эти вопросы любовно мучали Варю, проявляясь цветными кадрами в черно-белой киноленте скучной норильской жизни. Само собой сложилось, что Варя начала мечтать о поступлении в Питере. Мечтать навязчиво, во всех подробностях и мелочах. Ей позарез нужно было к Ирме. К своему личному антигерою. К своей рукотворной и такой обязательной подростковой влюбленности во что-то канонично отрицательное.

Январь, 2019 год

В очередной раз Варя сидит рядом с сестрой в темной гостиной после шумной вечеринки. По всем законам жанра она должна была давно разочароваться в Ирме. Признать ее обычным человеком. Даже хуже – заурядным. Но Ирма годами держит Варю в страшно-притягательном напряжении, как титры после фильма с открытым финалом. В зале зажгли свет, по рядам рыскает уборщица в синей униформе, но ты не можешь оторваться от экрана – все ждешь, что там мелькнет последний, все объясняющий эпизод. И так проходит вечность.

Ирма передает Варю сигарету – затянись. Варя не курит, но если предлагает Ирма – всегда соглашается. Они липнут друг к другу голыми холодными плечами – у обеих безрукавые платья. Два кубика льда, смерзшиеся в хрупкое одиночество. Ирма отпивает из стакана виски, оставляет на каемке свою ДНК вместе с коричневой помадой. «Коричневая подошва у твоих ботинок. А это мореный дуб». Варя не пьет, но если можно отпить из того места, где остался отпечаток Ирминых губ, – всегда прогибается.

В надышенной и накуренной гостиной горит только дурацкая гирлянда, которую забыли с Нового года. Мигает своим неестественно жизнерадостным нервным тиком в густую темноту. Варю хочется спросить Ирму обо всех демонах ее прошлого и настоящего, но получается только:

– Что-то меня клонит в сон, вызову такси.

Ирма сжимает Варину руку своей тонкой птичьей ручкой. На каждом пальце кольца, вместо татуировки – карта выступающих вен. Невозможно поверить, что эта красивая девушка, немногим реальнее сейчас собственной тени, еще час назад заправляла многолюдной вечеринкой и рассыпала по комнатам свой смех, как разноцветные экстази.

– Яша, напиши, как доберешься. Я волнуюсь.

Варя уже и не помнит, когда Ирма переназвала ее в Яшу. От фамилии ее что ли Яшина? Но эта выдумка – Яша – их как-то склеила, объединила в один партизанский отряд после стольких лет разлуки. Вернулось к ним что-то свое, какой-то магнитный центр, который не дает разлетаться по разным полюсам, когда начинает вращать.

Варя

Январь, 2019 год

Варя просыпается в сталинской однушке на Савушкина. Как добралась домой – не помнит. Помнит только, что уходила из «Тако» под закрытие, ближе к утру. Но какое утро в январе? Однообразно темно, будто живешь в черном полиэтиленовом пакете. Рассвета как такового нет, ночь сразу переходит в серую мешанину дня. И ты перестаешь ощущать течение времени. Замедляешься, впадаешь в анабиоз.

Сосед сверху противно кашляет – выплевывает легкие, а потом смачно завершает: «Фу, блиха». Варя направляет в потолок воображаемое ружье и стреляет.

Был бы понедельник, уже бы сидела в спичечном коробке офиса, пялилась в экран ноутбука, клепала рекламные тексты, такие же настоящие, как брачные клятвы молодоженов. Раньше думала, маркетолог – вполне себе профессия. Оказалось, реальные профессии по пальцам можно пересчитать. Дворник, врач, пожарный, школьный учитель... Остальное такое наебало, что страшно представить. Варя бы первая дезертировала, вот только за съемную платить надо, на свою-то она если и наскребет с такой зарплатой, то уже в следующей жизни.

Это хорошо, что не понедельник, а только воскресенье. От паленых “Лонг-Айлендов” еще штормит, подкашивает. Варя вообще-то не пьет: только в компании Ирмы и ее регулярно новых друзей, там не пить просто невозможно. Но именно после этих посиделок ее неизменно тянет в «Тако», где уже бесполезно сопротивляться: плотину пробивает и мощный грязевой поток несет ее черт знает куда, чтобы утром выкинуть в похмелье.

Варя поднимает себя с кровати обещанием, что это был самый последний ее «Тако». Через двадцать минут звонок в дверь – доставка. Жирнющий двухэтажный бигмак с картошечкой фри. Мозг отторгает, а слюнки так и текут, смягчают приговор разума. Варя сидит на кухоньке, габариты которой противопоказаны людям с клаустрофобией. Два шага вправо, два – вперед. Не кухня, а тренировочный центр для подводников и космонавтов. Но Варя нравятся тесные помещения – подпирают мысли, не дают расплескаться и разрастись в стороны. Сидит за столом голая. Специально мерзнет, чтобы быстрее протрезветь. Во рту неповторимо гадкий и прекрасный вкус бифштекса из говядины, лука и маринованных огурчиков. Запивает все вчерашним ледяным чифиром. Так вкусно, что нет терпения пережевывать, глотает кусками. На экране крутится видео с милыми щенками. Менеджер по персоналу в их компании шлет такие в общий чат каждый день. Надеется сплотить коллектив через мемасики. Варя настойчиво стоит особняком, но для поднятия настроения – смотрит. Настроение удивительным образом и правда поднимается.

Вчерашний выход из берегов кажется теперь нелепым и чересчур раздутым. Варя улыбается. В животе царская сытость, голову почти отпустило: так, позвякивает еще немного в затылке, но виски больше не сдавливают, жить можно. Для полного счастья не хватает только горячей ванны, чтобы согреться в ней не на пару часов, не на следующую неделю, а сразу оптом – навсегда.

Варя встает с этой обнадеживающей мыслью, делает шаг и врастает в линолеум. По внутренней стороне бедра что-то торопливо проскальзывает вниз. Смотрит – кровь, густая, багровая, правильная. А тогда, семь лет назад, кровь была неправильная, бледная.

Июнь, 2002 год

Поснимались час, Варя домой засобиравалась, но Глеб опередил – за минуту организовал стол с вином и заморским сыром «Дорблю», в те времена еще несанкционированным. Варя искала в своем словарном запасе такие фразы, которыми можно было бы отказаться от «Варвара, ну это как-то несерьезно! Уж за встречу один глоточек – всегда можно». Побоялась обидеть. И ведь даже не Глеба, а Ирму, которая эту съемку организовала по-дружке, то есть бесплатно.

Варя – вот-вот студентка СПбГУ – приехала из своего Норильска в город-миллионник вся бледная, остроугольная, нескладная. По углам жметесь, людей сторонитесь, мальчиков – тем более. Ирма посмотрела на нее такую взглядом-сканером, сжалилась над бедной родственницей. Я тебя, говорит, сведу с фотографом, он тебя так отщелкает, закачаешься. Сразу в себе провинциальную целку забудешь, поймешь самоуважение.

Варя пока за скоросочиненным столом сидела, ей все казалось, что это она сейчас не в квартире, а прямо на сцене большого драматического. Зрительный зал под завязку, в проходе – приставные стулья, в общем – аншлаг. Весь город стянулся на нее посмотреть, вот только она никого в ответ не видит: прожектор слепит прямо в лицо, разъедает глаза, как щелочь. А в воздухе одна большая гнетущая пауза, будто от нее чего-то ждут. Но чего? Варя не может сообразить, и от этого становится так лихорадочно стыдно, что хочется исчезнуть.

– Отцу, по большому счету, похуй, на барабанах я тут играю, стишки сочиняю или реальность увековечиваю. У него все просто в жизни, понимаешь? Есть черное, есть белое. Его бизнес на консервных банках – это дело нормальное, все остальное – баловство. Ну это он так выражается, вроде как любимое словечко. «Баловаться закончишь, тогда и поговорим», – Глеб изображает кривляния отца, получается как-то жалко. Мешает алкогольная размазанность. Варя старается ухватить суть, но Глебов монолог мчится мимо даже не силуэтами, а какими-то абстрактными пятнами. При чем тут баловство, отец, барабаны? Как все это оказалась с ними за столом? Как она сама здесь очутилась?

– Я отцу журнал показываю: посмотри, сына твоего новым именем в фотографии назвали. Признание всяческое, хуе-мое. Выставка, говорю, будет, придешь? А он мне знаешь что в ответ?! Баловаться, говорит, закончишь... – Глеб с хлюпаньем всасывает остатки вина и бахает пустой бутылкой по столу. Это вторая. Варин бокал опустел только наполовину, а Глебу никакой бокал уже давно не нужен.

– Нет, ты мне скажи, это как? По-человечески или по-блядски? Ну скажи, не молчи. Скажи, что думаешь.

Глеб сжимает Варино запястье. Пальцы цепкие, упорные, прощелкивают кожу, как строительный степлер. Хочется ответить, ответить правильно, чтобы освободить руку и себя тоже освободить, но горло забито. Слова напрасно распирают гортань. Варя не выдерживает ожидающего взгляда Глеба и пожимает плечами.

– Это что такое? Не знаешь? Не знаешь?! Я говорю, он – сука подлая, а ты не знаешь?!

Глеба подбрасывает вверх, табуретка падает. Дальше все уходит в расфокус. Варя жмурится, только на это сил и хватает. А на то, чтобы понять – тупой неприятный звук в затылке это от удара, – сил уже нет, и слава богу. Мелькает мысль рвануть к двери, но где эта дверь, с закрытыми глазами не вычислишь, а открывать глаза нельзя, откуда-то Варя знает это наверняка. Может, в школе на ОБЖ учили? Или в сериале подсмотрела? Уже неважно, главное, что темнота все амортизирует, дает возможность сомневаться в действительности. Но только глаза откроешь – сразу пропал, больше не отвертеться, не поугаваривать себя, не понадеяться. Правда хлынет в уши, в ноздри, в легкие, затопит в секунду. Это как с трупом: пока не видел собственными глазами, можно фантазировать, обвинять врачей в подмене. Увидел – и пятиться больше некуда, припирает со всех сторон.

Но даже с закрытыми глазами Варя понимает, что ее протащили за руки и за волосы в комнату, грохнули на диван, тот самый, раскладной, увековеченный на снимках. Бок саднит – проехала голый кожей по ламинату, а там доску одну выгнуло, вот она и царапалась. Но все это не так уж и ужасно, потому что неправда. А самая большая неправда – Глеб и его кислое изодранное дыхание, и тяжесть его тела, и обрывки странных слов, выходящие из него со слюной и рычанием.

Длилось недолго. Сначала распорол, так что искры прожгли закрытые глаза. Потом безжалостно прокрутилось внутри. Больно ли? Больно, но страх пришел вовсе не от боли, не потому, что в ней все по живому размесили. Страшно стало, когда не смогла вдохнуть. Забрала воздух ртом, а он не пошел. Вот тогда стукнула мысль о смерти, такой настоящей, что ее можно было и на вкус попробовать, и руками пощупать. А когда вдохнуть все-таки удалось, Варю прямо тут же перекроило, и неважно стало, сколько в ней нынче всего перепахано и искажено. Пока дышит, она будет жить, даже если больше не захочет, все равно – будет.

Глеб

Июнь, 2002 год

Глеб с вином не сюсюкался, приговорил бутылку, полез за записочкой. У него давно подгнивало, а поговорить не с кем. Уж не с этими его скользкими приятелями из нового окружения. Не ходят, а фланируют, не смотрят, а созерцают, не нюхают, а прочищают чакры. Вещи своими именами называть нельзя, заключают. Любая беседа – совокупность обобщений. Откуда у них бабки на бухло и рестораны, для Глеба всегда оставалось загадкой. Руднев их дозами жить еще в то время не научился. С фотографией только-только поперло. До этого собирал грязные тарелки со столов в тех ресторанах, где просиживали свое настоящее его будущие клиентки. Он бы мог и раньше всего этого добиться. При батиных капиталах незачем было унижаться официантом. Отец никогда в деньгах не отказывал. В деньгах – нет, а в одобрении – да. Но ведь человек так устроен, что из всех товаров ему всегда будет нужен дефицитный. Впрочем, и от денег куда легче отказаться, когда они есть.

Глебом в те годы двигало желание доказать отцу свое право на родительскую любовь. Зло вращало моховики. Надо было все самому, кровью и потом, без протекций там всяких. Спал и видел, как однажды придет к отцу: «Пап, меня признали, выставку делают, вот, смотри». А отец ему в ответ: «Горжусь, сын. Я сам себе место выгрыз, и ты себе – сам. Вот она, рудневская порода». И так упоительно было от этого воображаемого диалога, что Глеб гнал вперед, даже когда бак пустел. Экономил на всем, зиму в летних кроссовках отбегал. Копил на профессиональную камеру. То, что у него тогда было, называл мыльницей, хотя, конечно, никакая это была не мыльница, а вполне себе сносная зеркала. Только Глеб компромиссами не жил, жил – крайностями. Не то возраст, не то характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.